

ИГОРЬ
СЕВЕРЯНИН.
ЦАРСТВЕННЫЙ ПАЯЦ

Автобиографические материалы.
Письма. Критика

2005

Санкт-Петербург

Росток

К 1362158

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. К.В. Снегирева

83.3(2=Рус)6-8

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

УДК 821.161.1

И26

С28

83.3(2=Рус)6-8 Северянин ИИ

Федеральная целевая программа
«Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)

И26 Игорь Северянин. Царственный паяц: [Сборник / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Н. Терёхиной и Н. И. Шубниковой-Гусевой. — СПб.: Росток, 2005. — 640 с.

ISBN 5-94668-029-3

«Царственный паяц» — так называлась одна из неосуществленных книг замечательного русского поэта Игоря Северянина (И. В. Лотарева; 1887—1941), познавшего громкую славу «короля поэтов» и горечь забвения. Настоящее издание раскрывает неизвестные страницы его биографии. Здесь впервые собраны уникальные материалы: автобиографические заметки Северянина, около 300 писем поэта и более 50 критических статей о его творчестве. Часть писем, в том числе Л. Н. Андрееву, Л. Н. Афанасьеву, В. Я. Брюсову, К. М. Фофанову, публикуется впервые, другие письма (Августе Барановой, Ирине Борман, Фелиссе Круут) печатались только за рубежом. Открытием для любителей поэзии будет прижизненная критика творчества поэта, — обширная и разнообразная, ранее не перепечатывавшаяся.

Для широкого круга читателей.

На обложке: В. Андога (1910)
(фотография из архива М. Г. Рогозиной)

ISBN 5-94668-029-3

- © Составление, вступительная статья, комментарии — В. Н. Терёхина, Н. И. Шубникова-Гусева, 2005
- © ООО «Издательство «Росток», 2005

будущий поэт учился в Череповецком реальном училище, чем и ограничилось его официальное образование. Это давало повод упрекать Северянина в малообразованности и некультурности. Несправедливость таких суждений видна, в частности, на примере его выразительных, эмоциональных писем, соответствующих всем правилам грамматики.

Подтверждением тому является и автобиографический очерк «Образцовые основы» (1924), где раскрываются истоки становления его личности и принципы, на которых будет развиваться зрелое творчество поэта: любовь к поэзии, музыке и русской природе.

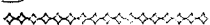
На всю жизнь Северянин сохранил взволновавшие его впечатления от путешествия в 1903 г. вместе с отцом через всю Россию на Дальний Восток, в Квантун. В декабре того же года, незадолго до начала русско-японской войны, он вернулся в Петербург и поселился с матерью в Гатчине. В гостях у матери часто бывали литераторы, художники, музыканты, и Северянин не раз вспоминал эту пору как время восторгов и музыки, время, когда он стал поэтом. Из писем становится известно, что Наталия Степановна многие годы поддерживала творческие порывы сына, была его верным другом и наставником: даже любимого Бодлера Северянин переводил с французского «с помощью татап».

Однако свое первое стихотворение «Звезда и дева» Северянин написал значительно раньше, в 1895 г., когда ему не было девяти лет.

Юноша увлекся литературой еще во время учебы в Череповецком реальном училище, когда «испытал сильное влияние Густава Эмара и Луи де Буссенара, позже — Дюма, Гюго, Тургенева и отчасти Гончарова, из поэтов гр. Алексея Толстого, а также Мирры Лохвицкой, Фофанова, Бодлера и др.». И все же самым важным источником вдохновения Северянина была трепетная и нежная любовь к родному Северу и его природе. Образ «форелевой» реки в северной губернии пройдет через все творчество поэта и станет символом его неразрывной связи с любимой родиной.

В автобиографии, подготовленной для «Словаря русских писателей» С. А. Венгерова, Северянин писал: «Там, на любимой Суде, Игорь проводил летние каникулы, лишь изредка отпускаемый в Петербург к матери, и там же он познал первую (идеальную) любовь к кузине Лиле, дочери брата отца, которая была на 5 лет его старше. Автор осознал себя поэтом благодаря этой любви»⁶.

Тем не менее один из наиболее распространенных и укоренившихся в сознании читателей мифов — о внезапном появлении Игоря Северя-

⁶ Цит. по: Кошелев В. А., Сапогов В. А. «Музей моей весны...» // Северянин Игорь. Стихотворения. Поэмы. Архангельск, 1988. С. 7.

нина на поэтическом Парнасе в 1913 г. Его творческий путь принято делить на два периода. Первый охватывает 1913–1918 гг., начиная с выхода в свет книги «Громокипящий кубок» и до избрания в 1918 г. «королем поэтов». Второй период (1918–1941) связан с более чем двадцатилетним пребыванием поэта вне России, от вынужденной эмиграции в эстонском поселке Тойла до краткого возвращения в советское подданство в 1940 г. и смерти поэта. Однако большой и серьезный творческий путь, пройденный Игорем Северяниным до «Громокипящего кубка», позволяет выделить ранний период его творчества (1904–1912), когда он сложился как поэт.

Обычно забывается или не принимается во внимание, что до 1913 г. поэт выпустил 35 брошюр, в которых были опубликованы многие стихи, вошедшие впоследствии в книгу, принесшую ему повсеградную славу. Северянин называл своим первым выступлением в печати публикацию 1 февраля 1905 г. в солдатском журнале «Досуг и дело» стихотворения «Гибель “Рюрика”», и именно от нее поэт отсчитывал юбилей своей литературной работы.

На самом деле стихотворение вышло раньше отдельной брошюрой из шести страниц (дозволено цензурой к печати 12 окт. 1904 г.). К тому же «Гибель “Рюрика”» была уже второй брошюрой поэта Игоря Лотарева. Еще до этого так же было издано его стихотворение «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры» (дозволено цензурой к печати 25 сент. 1904 г.). Всего Северяниным на страницах тридцати пяти брошюр (издание автора) было написано и опубликовано 275 произведений. Большая часть этих стихов вошла затем в книги «Громокипящий кубок» (111), «Златолира» (37) и «Ананасы в шампанском» (25), которые в 1915–1918 гг. составили три тома «Собрания поэт».

Другие стихотворения периода «брошюр» Северянин включил в сборники «Поэзоантракт», «Victoria Regia», а также «Ручьи в лилиях» и «Настройка лиры» (два последних напечатаны не были). Среди брошюр (от 4 до 24 страниц) были две листовки («Памяти А. М. Жемчужникова», 1908 и «На смерть Лермонтова», 1908).

Северянин ценил ранний период своего творчества, называл его «настройкой лиры» и в поисках своего литературного имени дважды сменял свою подпись. В 1904–1907 гг. он публиковал стихи под собственной фамилией — Игорь Лотарев. За этой подписью вышло 13 брошюр (последняя называется «Лепестки роз жизни»). В 1908 г. Северянин меняет имя и печатает листок «Памяти А. М. Жемчужникова» под псевдонимом «Игорь-Северянин» с дефисом, где приложение «Северянин» является вторым именем и указывает на особое значение Русского Севера в его жизни и творчестве (ср. Мамин-Сибиряк). Последняя брошюра, подписанная псевдонимом Игорь-Северянин с дефисом, 35-я —

«Эпилог “Эго-футуризм”» (1912). Начиная с «Громокипящего кубка» (1913) он использовал, за редким исключением, имя «Игорь Северянин», где псевдоним — второе имя — превратился в фамилию.

Певица страсти

Большое влияние на творчество Игоря Северянина оказала чувственная и жизнелюбивая лирика Мирры Лохвицкой, присущие ей импрессионистская зыбкость и экзотизм, легкий и мелодичный стих.

В одном из писем Б. Д. Богомолу от 15 июня 1911 г. Игорь Северянин пишет: «Боготворю Мирру Лохвицкую, считая ее величайшей мировой поэтессой, гениальной поэтессой».

Ее поэмы “На пути к Востоку”, “Вандэлин” и “Бессмертная любовь” — шедевры мировой поэзии, разумеется — прозеванные и критикой, и публикой. Если не строили бы так много аэропланов, я ожидал бы с уверенностью, как через двадцать или около этого лет — ее бы славословили. Утешаюсь одним: истинные ценители и теперь у нее есть. Их мало, но они есть. Каждый поэт обязан иметь ее стихи. Затем: я очень люблю Фофанова и Бодлэра. Лишь нравятся Гумилев, Эренбург, Бунин, Гофман Виктор, Черубина де Габриак, Тэффи».

Имя Мирры Лохвицкой было в 1890-е гг. широко известно. Первый и последний сборники поэтессы удостоены Пушкинской премии Академии наук. Поэтический талант Лохвицкой был признан такими поэтами, как А. А. Голенищев-Кутузов, К. К. Случевский, а также К. Льдов и др. И. А. Бунин был с ней «в приятельстве» и позже относил воспоминания о ней к числу «самых приятных». Ее книги «Стихотворения» переиздавались, отмечались критикой и даже удостаивались пародий. Видные поэты, в том числе Константин Бальмонт и Федор Сологуб, посвящали ей стихи. Известность Лохвицкой получила скандальный оттенок после ее декларативного отказа от «идейной» поэзии, утверждения свободы чувств («Мне нет пределов, нет границ»).

Поэтесса увлекалась Бальмонтом («Лионелем») и обменивалась с ним в печати посланиями в стихах. Свой сборник «Будем как солнце» (1903), название которого перекликается со стихотворением Лохвицкой «К солнцу!» — «Солнца!.. Дайте мне солнца! Я к свету хочу!», — Бальмонт посвятил этой поэтессе. 27 августа 1905 г. Лохвицкая умерла от туберкулеза в возрасте 36 лет.

Северянин точно определил основную тему творчества Мирры Лохвицкой в посвящении сборника «Мимоза» — «певица страсти». Любовь была содержанием ее поэзии, и строка «Это счастье — сладострастье» воспринималась как «девиз» поэтессы. «К ней применили, — писал критик А. Измайлов в некрологе, — и оно так и осталось навсегда, имя новой русской Сафо, певицы вакхической страсти, знойного

тора были, автор должен был с ними согласиться или предлагать и отстаивать свои решения, тем более что Северянин всегда имел свое мнение и дорожил им.

Так или иначе, если мы внимательно проанализируем тексты «Громокипящего кубка», то увидим, что композиция книги является авторской. В книге всего 137 стихотворений (поэз) за 1905–1912 гг., большинство из которых были опубликованы в альманахах, журналах, газетах и вошли в ранние брошюры Северянина (с 12-й по 35-ю). Стихи брошюры «Ручьи в лилиях» (весна 1911), за исключением двух, перепечатаны полностью. Впервые в книге опубликовано только восемь произведений: «Версеусе осенний», «Эскиз вечерний», «Шампанский полонез», «Virelai», «Гюи де Мопассан», «Газэлла», «Демон», «Любовь и Слава».

Заглавия двух из четырех разделов книги перешли из вышедших ранее брошюр: раздел «Сирень моей весны» – 18-я брошюра (1908) и «За струнной изгородью лиры» – 25-я брошюра (1909). Есть случаи, когда последовательность стихов соответствует их композиции в ранних брошюрах. Так, первые четыре стихотворения книги: «Очам твоей души», «Солнце и море», «Весенний день», «В грехе забвенье» – открывают брошюру «Очам твоей души» (1912), далее следуют стихи, не включенные в сборник. Оспорить авторское расположение стихов в брошюрах Северянина невозможно.

В «Громокипящем кубке» отразилась история «мещанской драмы» поэта-грёзера, охваченного порывом нового весеннего чувства и молодости. Он живет мечтами и грёзами о прекрасной женщине. Разочарованный и обманутый в своих чувствах, герой попадает с берегов форелевой реки и северного «одебренного» леса на площадь. Затем возникает образ одинокого поэта – царственного паяца, который уходит с площади от толпы и рыдает за струнной изгородью лиры. Невольно ощущается ироничность слов «гения Игоря Северянина» об упоении своей победой и искренность намерения идти «в природу, как в обитель, / Петь свой осмеянный *устав*».

Главной причиной успеха книги «Громокипящий кубок» была ее своевременность и современность. Она вышла весной 1913 г., когда имя Северянина было уже известно: футуристам удалось обратить на себя внимание. И хотя многие современники отделяли Северянина от футуризма, но отдавали должное тому чувству времени, которое проявилось в «Громокипящем кубке».

«Его поэзия, – заметил В. Ходасевич, – необычайно современна – и не только потому, что в ней часто говорится об аэропланах, кокотках и т. п., – а потому, что его душа – душа сегодняшнего дня. Может быть в ней отразились все пороки, изломы, уродства нашей городской

О, критика – прославший Шантеклер...

Еще до выхода «Громокипящего кубка» Северянин стал известен читающей публике. В 1905 г. Игорь Лотарев был впервые отмечен на страницах «Петербургской газеты» писательницей Н. А. Лухмановой, которая рассказала, что передала раненым «на театре военных действий с Японией» 200 экземпляров брошюры Игоря Лотарева «Подвиг “Новика”»¹⁷.

Однако вопрос о том, как к Северянину пришла слава, все же нуждается в серьезном уточнении. По словам Северянина, это произошло, когда Лев Толстой разразился «потоком возмущения по поводу явно иронической “Хабанеры”, об этом мгновенно всех оповестили московские газетчики во главе с С. Яблоновским, после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну!.. С тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады, и с легкой руки Толстого, хвалившего жалкого Ратгауза в эпоху Фофанова, меня стали бранить все, кому было не лень» (5, 85).

В стихотворении «Сувенир критике» (1914) Северянин восклицал:

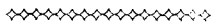
Ах, поглядите-ка! Ах, посмотрите-ка!
Какая глупая в России критика:
Зло насмеялся над «Хабанерою»,
Блеснув вульгарною своей манерою.

(1, 567)

На самом деле все обстояло несколько иначе. Писатель И. А. Наживин привез брошюру Северянина «Интуитивные краски» в Ясную Поляну и 12 января 1910 г. прочитал ее Толстому. Вскоре интересные подробности этого визита были изложены в очерке Наживина «В Ясной Поляне»: «Много смеялся он <Толстой> в этот вечер, слушая чтение какой-то декадентской книжки — и не то “Интуитивные звуки”, не то “Интуитивные краски”, где, разумеется, был и “вечер, сидящий на сене”, и необыкновенная любовь какая-то, и всевозможные выкрутасы. Особенно всем понравилось стихотворение, которое начиналось так:

Вонзим же штопор в упругость пробки,
И взоры женщин не станут робки...
<цит. с искажениями>.

Но вскоре Лев Николаевич омрачился.

¹⁷ Петербургская газета. 1905. 8 апр.

достаточно изучена исследователями стиха. Серьезное внимание привлекают и лексические неологизмы Северянина. Их анализ позволяет сделать вывод о единстве творческого мира поэта, для которого возвращение к классической традиции в эстонский период не означало отказа от словотворческих экспериментов 1910-х гг.

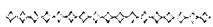
Однако чаще всего отдельные периоды творчества Северянина оцениваются крайне неоднозначно, есть тенденция к их противопоставлению. На момент показалось, что было «два разных поэта, носивших одно литературное имя, — пишет автор одной из работ о поэте. — <...> “Ручейковую” и ласковую лирику Северянина, рожденную любовью к земле, с которой был долго и горько разлучен, надо сегодня возродить, отделив и от ироничных салонных “поэз”, и от крикливой саморекламы ранних программных стихов. У нее задачи иные и иное лицо. Пусть поэт в новой, посмертной жизни на родине не столько “эпатирует” презренного обывателя, сколько напоминает людям о дорогом чуде — о чувстве родины, разрыв с которой — всегда мучителен»²⁴.

Двойственность восприятия поэзии Северянина определяется общей неразработанностью его наследия, которое нередко предстает обедненным, разъятым на случайные фрагменты.

Я — соловей, я без тенденций

Остается распространенным миф о равнодушии Северянина к общественной жизни. На самом деле его лирика и публицистика, когда-то отвергнутые на родине по идеологическим причинам, заслуживают пристального внимания. Не случайно Петр Пильский в статье «Ни ананасов, ни шампанского» писал: «С этим именем связана целая эпоха. Игорь Северянин был символом, знаменем, идолом лет петербургского надлома»²⁵.

Ощущение души, тоскующей в предгрозы Первой мировой войны, и лирическая ирония по отношению к витавшему в различных слоях общества желанию уйти от трагизма действительности в «бомонд» и «иностраны» остро и глубоко передавали чувства современной Северянину интеллигенции. «В этот период, — вспоминала Е. Ю. Кузьмина-Караваева, — смешалось все. Апатия, уныние, упадничество — и чаяние новых катастроф и сдвигов. <...> Это был Рим времен упадка. Мы не жили, мы созерцали все самое уточненное, что было в жизни, мы не

²⁴ Бабигева Ю. В. Еще не умрет... Игорь Северянин // Игорь Северянин. Классические розы. Медальоны. М., 1991. С. 5, 14.

²⁵ Пильский П. <Ни ананасов, ни шампанского> // Сегодня. 1931. 15 сент.

На волне всеобщего подъема в дни февральской революции Северянин написал цикл стихов «Револьверы революции» (он будет опубликован только в сборнике «Миррелия» (Берлин, 1922). В примечании автора говорилось, что рукописи пропали в Москве в феврале 1918 г. и были восстановлены по памяти через год в Тойле). Несправедливо забытый цикл открывается стихотворением «Гимн Российской республике» («Мы, русские республиканцы...»). Исполнены национальной гордости стихотворения «Моему народу», «Все – как один»:

Народу русскому дивитесь:
Орлить настал его черед!

К лету 1917 г. настроение поэта переменялось: «Искусство в загоне... Что делать в разбойное время поэтам... Мы так неуместны, мы так непопадны». Октябрьская революция отразилась в «Поэзе скорбного утешения» и «Поэзе последней надежды», в контрастах увиденного «злого произвола» и веры в «глаза крылатой русской молодежи»: «Я верю в вас, а значит – и в страну». Это была политическая лирика в полном смысле слова. «Сверкает в руках револьвер!» – аллитерировано не хуже, чем год спустя у Маяковского: «Ваше слово, товарищ маузер!»

Путь к вечным розам

Еще в конце 1917 г. Северянин вместе с большой матерью поселился в Эстонии в поселке Тойла, где бывал начиная с 1912 г. Отсюда в феврале 1918 г. он приехал в Москву на вечер избрания «короля поэтов». После заключения Брестского мира и получения Эстонией независимости Северянин оказался в эмиграции.

Изоляция Северянина на некоторое время нарушилась, когда он смог осенью 1922 г. приехать в Берлин. Впервые после пятилетнего перерыва Северянин встретил своих знакомых – художника Ивана Пуни, Ксению Богуславскую, актрису Ольгу Гзовскую, поэтов Владимира Маяковского, Андрея Белого, Владислава Ходасевича, Бориса Пастернака и др. Он посещал берлинский Дом искусств, созданный по аналогии с петроградским. Поэт даже выступал в советском торговом представительстве на праздновании 5-летия Октябрьской революции и болгарском землячестве.

В Берлине вышли книги Игоря Северянина: «Менестрель» (1921), «Миррелия» (1922), «Падучая стремнина: Роман в 2-х частях» (1922), «Фея Eiole» (1922), «Трагедия Титана. Космос: сборник первый» (1923), «Соловей: Поэзы, 1918 год» (1923). Две последние книги опубликованы в издательстве «Накануне». Маяковский и Кусиков помогли Северянину заключить договор с этим издательством на 4 сборника.

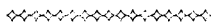
редактором газеты «Молот» и часто встречался с Северяниным, о котором дружески вспоминал: «...как он писал стихи! За обеденным столом, во время беседы, экспромтом, — ведь это, что ни говори, биологическое чудо. А какой голос! Однажды в грозу он читал мне стихи под каким-то подобием античного бельведера, уж не помню где, — так он перекрывал гром! Или, случалось, после обеда он сидел у камина и пел одну за другой оперные арии — в доме стены тряслись»²⁹.

И все же для Северянина возвращение в провинциальный эстонский поселок или озерную глушь было подчас безрадостным. Здесь он оказывался не только вдали от России, но и от основных центров русской эмиграции — Берлина, Парижа, Праги... Возможно, тогда, пытаясь сохранить память об утраченной родине, о прежней жизни или, говоря словами Романа Гуля, «унести с собой Россию», молодой, едва тридцатипятилетний Северянин углубился в мемуары и автобиографические романы в стихах («Падучая стремнина», 1922; «Роса оранжево-го часа», 1925; «Колокола собора чувств», 1925 и др.).

Его гастрольные поездки в Берлин, Париж, Прагу, Белград и другие города приносили небольшой доход и ощущение читательского внимания.

«За эти годы, — рассказывал Северянин в письме В. И. Немировичу-Данченко, — мы побывали однажды в Польше, дважды в Латвии. Больше никуда не ездили. Постоянно живем в своей деревушке у моря. Живется трудненько, заработков никаких, если не считать четырех долларов в месяц из “Сегодня”. До сих пор, слава Богу, помогало Эстонское Правительство, благодаря которому мы кое-как и существовали. Однако нельзя ручаться за это впредь. Писатель я никакой, поэтому заработать что-либо трудно. Как лирик не могу много заработать: никому никакая лирика в наше время не нужна, и уж во всяком случае она не кормит. До сих пор мучает меня долг проф<ессору> Заблоцкому (12 долл<аров>), но отдать, при всем желании, никаким образом не могу. И нет даже надежд, т. к. книги не выходят, вечера дают такие гроши, что едва на дорогу хватает».

Многим запомнился поэзовечер в зале «Шопен» в Париже 27 февраля 1931 г., где Северянин читал стихи из книги «Классические розы». Марина Цветаева, присутствовавшая на выступлении, писала С. Н. Андрониковой-Гальперн 3 марта 1931 г.: «Единственная радость <...> за все это время — долгие месяцы — вечер Игоря Северянина. Он больше чем: остался поэтом, он — стал им. На эстраде стояло двадцатилетие

²⁹ Памяти Вальмара Адамса // Русская мысль. 1999. 4—10 ноября. С. 18.

<...> первый мой ПОЭТ, т. е. первое сознание ПОЭТА за 9 лет (как я из России)»³⁰.

Цветаева воспринимала новые стихи Северянина в широком контексте — двадцатилетия его творчества. В неотправленном письме Северянину она создала своеобразный гимн русским поэтам — невольным изгнанникам: «Это был итог. *Двадцатилетия*. (Какого!). Ни у кого, может быть, так не билось сердце, как у меня, ибо другие (все!) слушали *свою* молодость, *свои* двадцать лет (тогда!). Двадцать лет назад! — Кроме меня. Я ставила ставку на силу поэта. Кто перетянет — он или время? И перетянул он: — Вы.

Среди стольких призраков, сплошных привидений — Вы один были жизнь: двадцать лет *спустя*. *<...>* Вы выросли, Вы стали *простым*, Вы стали поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто — *природу*, Вы, наконец, раз-нарядили ее...

И вот, конец первого отделения, в котором лучшие строки:

И сосны, мачты будущего флота...

Ведь это и о нас с Вами, о поэтах, — эти строки»³¹.

Несомненно, сборник «Классические розы» (Белград, 1931) стал наиболее значительной книгой эмигрантского периода. Его заглавие связано с давней литературной традицией, о которой писал В. В. Набоков: «Роза пылала на ланитах пушкинских красавиц. В кущах Фета она расцветала пышно, росисто и уже немного противно. О, какая она была надменная у Надсона! Она украшала дачные садики поэзии, пока не попала к Блоку, у которого чернела в золотом вине или сквозила мистической белизной».

С мятлевскими, классическими, розами связан другой важный мотив, воплощенный в этом хрестоматийном образе, — память об оставленной родине. Для Вл. Ходасевича так происходит восстановление духовной общности России и зарубежья. В стихотворении «Петербург» он пишет о том, что «привил-таки классическую розу / К советскому дичку» (12 дек. 1925; вошло в сборник «Европейская ночь». Париж, 1927). Иначе раскрывается семантика образа в книге Георгия Иванова «Розы» (Париж, 1931), где поэт прощается с прошлым навсегда «сквозь розы и ночь, снега и весну...» «Классность» определяет принадлежность Северянина к каноническому литературному ряду и направление его творческой эволюции. Это сразу ощутили современники

³⁰ Цветаева М. Об искусстве. М., 1991. С. 413.

³¹ Там же. С. 412.

даться с ним. Его «Любовь к трем апельсинам» — событие в Европе. Я думаю дать ему либретто для новой оперы». Трудно сказать, когда состоялась встреча Северянина и Прокофьева, но известно, что у них еще с 1916 г. был общий знакомый, сын богатого купца, поэт Борис Башкиров (Верин). Северянин посвятил ему, заслужившему титул принца Сирени, свою книгу поэм «Соловей». В Берлине осенью 1922 г. с Прокофьевым встречался не только Северянин, но и Маяковский, которому также особенно близки были «грубые марши» композитора и опера «Любовь к трем апельсинам».

Сергей Рахманинов знал стихи Северянина еще до выхода «Громокопящего кубка». Он восхищался колыбельной А. Н. Александрова на слова Игоря Северянина («Пойте, пойте»). История создания романса «Маргаритки» связана с малоизвестными страничками дружбы Мариэтты Шагинян с Рахманиновым — «Письма к Ре». Дело в том, что в первом письме, отправленном известному композитору, она не захотела назвать свое имя и подписалась ноткой Re. С тех пор Рахманинов вплоть до их последней встречи в июле 1917 г. всегда называл ее Re. Даже написав для Шагинян романс «Муза», поставил в посвящении: Re.

Однажды летом 1916 г., когда Рахманинов находился на лечении в санатории в Эссентуках, Шагинян привезла ему тетрадку с «заготовленными текстами» — пятнадцать стихотворений Лермонтова и двадцать шесть — новых, среди них «Маргаритки» Северянина и «Крысолов» В. Брюсова, «Ау» К. Бальмонта и «Сон» Ф. Сологуба, «Ивушка» («Ночью в саду у меня...») А. Исаакяна в переводе А. Блока и «К ней...» А. Белого — все шесть стихотворений, на которые он создал потом романсы. «Тут же понемножку мы стали разбирать их, смотреть волнистую графику к ним. <...> Тогда же в Эссентуках, он начал работу над этими новыми романсами, законченными осенью в Ивановке. <...> Все шесть романсов поразительно свежи и хороши. Критики писали о них как о новой странице в творчестве Рахманинова; с очень большой искренней похвалой несколько раз отзывался о них такой строгий и нелицеприятный судья, как Н. К. Метнер»³⁴. Сам Рахманинов считал наиболее удавшимися и больше всего любил романсы «Крысолов» и «Маргаритки».

«Наша предпоследняя встреча, — вспоминала Мариэтта Шагинян, — была в Нахичевани. Проездом через Ростов, где Сергей Василь-

---

³⁴ Шагинян М. Воспоминания о С. В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове / Сост., ред., примеч. и предисл. З. Апетян: В 2 т. М., 1967. 2-е изд., доп. Т. 2. С. 167–169.

евич давал очередной концерт, он прислал мне с письмом свои новые романсы и позвал встретиться... <...> Два часа мы с ним просидели у рояля, — я “рассказывала”, а он упражнялся перед концертом. Мне было обидно, что шесть романсов на “мои”, так любовно подготовленные для него тексты, он посвятил Кошиц, а он отшучивался на упреки»³⁵.

Жизнь — всегда любовь

Северянину удалось взглянуть на обыденную жизнь как на романтическое, достойное изящной словесности путешествие. В самой прозе жизни Северянин находил поэтичность, освещал ее свойственной ему иронией и простодушием. В его стихах весь спектр городского бытия, начиная от «мороженого из сирени», «ананасов в шампанском», «фиалкового ликера» и устриц, «боа из кризантем», «шаплеток» и калош до новейших достижений техники (авто, летуны, экипажи, электрассонансы, кинематограф и экспресс).

Но тем не менее Северянин не был певцом города и городской культуры, наоборот, он хотел избрать жизнь в природе, вдали от цивилизации. В письме А. Д. Барановой от 24 июля 1923 г. поэт восклицал: «Как омерзительны и отвратительны города со всей своей гнусью и неоправданностью!». Живя в Тойле (Эстония) с 1918 г., поэт ходил за 3—5 верст в леса и ловил форелей. Нередко в письмах Северянин создает яркие зарисовки дивного озера Ульясте: «Извилистая тропинка вокруг прозрачного озера приводит Вас к янтарной бухте, на берегах которой так много морошки, клюквы и белых грибов. Мачтовые сосны оранжевеют при закате. Озеро зеркально, тишь невозмутима, безлюдье истое. Вы видите, как у самого берега бродят в прозрачной влаге окуни, осторожно опускаете леску без удильца в воду перед самым носом рыбы, и она доверчиво клюет, и Вы вытягиваете ее, несколько озадаченную и смущенную. Лягушки, плавая, нежатся на спинках смотря своими выкаченными глазами прямо на Вас, человека, не сознавая ужаса этой человечности, им чуждой: они так мало людей видят здесь. Стада диких гусей и уток проносятся над озером, разом падая на его влажную сталь. Все это озеро и его берега, и весь колорит природы напоминают мне в миниатюре Байкал».

В более раннем письме, Б. Д. Богомолу, появляется своеобразный «портрет» гатчинских окрестностей: «Живем мы против парка, большого и запущенного, чарующего меланхолика. Два пруда, как два тусклых старческих глаза, смотрят ввысь сосредоточенно и глубоко,

³⁵ *Шагинян М.* Воспоминания о С. В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. С. 169—170.

мудрые и замкнутые. На их переносице — прелестная дорожка, увлекающая к белому дворцу кн. Трубецкой, к белой церкви и, может быть, к белым стихам: такие места рожают поэмы, а поэмы бессмертят такие места...».

Игорь Северянин, может быть, самый «балтийский» из русских поэтов: «Мои мечты всегда у моря... Да, север, сумерки и май...»

Он знал народные сказания, особенно эстонские, об Эмарик и Койте. По фольклорным мотивам написаны, например, «Саги, Балтикой рассказанные». Ему довелось смотреть на Балтийское море с обоих берегов Финского залива — с северных дюн, из Куоккалы в 1907–1917 гг., и с южной, эстонской, стороны, где поэт снимал дачу в поселке Тойла еще до Первой мировой войны, а затем так и остался в тех краях дачником — эмигрантом на двадцать лет, до самой смерти в декабре 1941 г.

О, море нежное мое, Балтийское,
Ты — милovidнее всех-всех морей!
Вот я опять к тебе, вот снова близко я,
Тобой отвоенный, для всех ничей...

Вероятно, ему вспоминались экзотические воды Корейского залива, которые будущий поэт повидал, путешествуя со своим отцом по Дальнему Востоку в 1903 г. («И Море Желтое, я по тебе тоскую!..»). Многие в стихах определялось и литературной традицией, приключенческими романами из пиратской жизни. Александр Вертинский напевал северянинские стихи, и восторгу слушателей не было предела:

А когда придет бразильский крейсер,
Лейтенант расскажет Вам про гейзер...

Произведения Северянина инсценировали в кинематографе, а балетная постановка по стихотворению «M-me Sans-Gené» («Мадам Сан-Жен») была украшением эстрадного репертуара. Но более всего поэт оправдывал избранный им еще в двадцатилетнем возрасте псевдоним «Северянин»: «Сердце северянина, не люби лиан души...»

Живя в Петербурге, Северянин стремился «из города сизой мглы» туда, где «у моря Балтийского, / Лилитного, блеклого и неуловимого... / Для сердца усталого — так много любимого, / Святого, желанного, родного и близкого!»

В его стихах обычная поездка в Куоккалу превращалась в путешествии куртизанки, словно сошедшей с картины его современника Константина Сомова:

Карета куртизанки, в коричневую лошадь,
По хвойному откосу спускается на пляж.

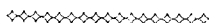

средственным синтаксисом облучены строки Маяковского, Пастернака, послереволюционного Есенина и многих-многих других»³⁷.

Сейчас, по прошествии многих лет, легенды и факты из жизни Игоря Северянина, собранные воедино, безусловно послужат для углубленного прочтения и восприятия той истинной поэзии, о свойствах которой писал Георгий Адамович в связи с выступлением поэта в Париже (1931): «После скупости, скудости и анемичности вдохновения у большинства современных поэтов этот “фонтан”, бьющий стихами неудержимо, показался чем-то волшебным. Не хотелось говорить о недостатках. Хотелось только благодарить за эту “Божьей милостью” поэзию...»³⁸.

³⁷ Лит. газ. 1987. 13 мая.

³⁸ Цит. по: Сочинения. Таллин, 1990. С. 12–13.